

«Я вас люблю, я думаю о вас...»

Старинный романс... От него веет душевным покоем и неспешностью быта, лиризмом чувств и искренностью исповеди.

Пришедший к нам из дальнего далека — из времени несуетного течения бытия, высоких чувств и романтических устремлений, он в конце щедрого на стрессы XX века неизменно популярен среди слушателей самого разного возраста, ибо романс был всегда демократичен и ненавязчив. Речь идет, конечно, прежде всего о романсе «бытовом», или, как чаще называли его в России, «мещанском» и «жестоким» (не вкладывая, впрочем, в эти слова ни капли уничижительного смысла). Благодаря ему

оттаивали, говорят, даже ледяные сердца уездных барышень, а в душах самых жестоких сердцеедов пробуждались «чувства добрые»...

Конечно, происходило все это не у экранов телевизоров в ярком свете электрических ламп, а у жарко растопленного камелька при свечах под шум метели за окном. Однако и нам, сегодняшним, уставшим от постоянной неуверенности в завтрашнем дне, от ежедневных «сюрпризов» большой политики и малой экономики, бывает необходимо хоть иногда сделать паузу. Не для того, чтобы «скушать «Твикс», как долдонит о том надоевшая телереклама, а чтобы, окунувшись в мир светлых чувств и переживаний, воспарить над суетностью жизни и обратиться мыслями к вечным ценностям.

И потому не удивителен выбор, который был сделан для дебюта на сцене Магнитогорского музыкального театра его новой солисткой Верой Семиной — вечер старинного русского и цыганского романса. Выпускница Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки, она начинала карьеру оперной певицы в Куйбышевском академическом театре оперы и балета. Потом были музыкальные театры Волгограда и Томска и ампула героини классической оперетты, столь любимой широкой публикой. Наверное, именно оперетта была бы наиболее беспроборна для первого выхода на широкую публику в новом, пока еще мало знакомом певице городе. Однако жанр этот, столь презираемый эстетствующими театральными и обожаемый остальным зрителем, магнитогорским теат-

ром пока не освоен, а сцены из оперетт требуют участия в них хорошего актерского состава.

И потому романсы оказались достойной альтернативой. Зрительный зал, несмотря на ударившие в тот вечер морозы, был полон. Впрочем, к тому располагало и само название концерта — «У камина». «Темно-вишневая шаль», «Напоминание», «Ночь светла», «Не говорите мне о нем» — репертуар, хорошо знакомый широкому кругу любителей домашнего музицирования, прозвучал на этот раз в концерте в сопровождении камерного оркестра театра, что, кстати, было довольно рискованным шагом, поскольку интимность настроения старинного романса тяготеет больше к звучанию роаяля или перебору гитарных струн. Неслучайно, наверное, одним из лучших был в концерте исполненный под гитару романс «Пара гнедых». Он оказался, пожалуй, «переломным моментом» вечера, когда стало окончательно ясно — Вера Семина покорила магнитогорцев.

К сожалению, режиссура концерта оставляла желать много лучшего. Плохо продуманная сценография, трагический надрыв стихов А. Апухтина, которые, по замыслу режиссера, должны были связать воедино всю программу вечера, на деле диссонировали со светлой грустью и изысканностью старинного романса. Ведь создавался «городской» и «цыганский» романс зачастую композиторами-любителями на стихи таких же любителей-поэтов. И как ни странно, именно этот сплав высокого уровня дилетантизма и неподдельности чувств рождал в конечном итоге произведения, далекие от психологического «самокопания», но искренние и чистые по духу. Говорю об этом лишь для того, чтобы заметить: яркость дарования новой солистки театра высветилась бы еще сильнее, если б над программой вечера потрудились человек, владеющий «спецификой жанра».

Впрочем, несмотря ни на что, дебют состоялся! Впереди, будем надеяться, нас ожидает еще много встреч с прекрасной актрисой Верой Семиной. В постановках, достойных ее таланта.

В. ЗАСПИЧ.

На снимке: Вера Семина.

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ

ОПЕРНОЙ СОЛИСТКЕ

требуется сценический псевдоним

Все остальное у певицы Ольги Сергеевой уже есть: превосходное драматическое сопрано, крепкий вкус, подлинный театралный темперамент и завидное свойство смотреть на дирижера.

Дирижер этого свойства достоин: такие мастера оперной ямы, как Евгений Колобов, — штучный товар, и стоит только праздновать тот факт, что ныне у него (и у нас) есть собственная сцена.

Правда, первый поход в театр «Новая опера» (который с этого сезона развернулся в своем новом здании на Каретном ряду) способен был нас испугать: «Бориса Годунова» никак нельзя считать удачей, и об этом мы уже писали. Но уже вторая работа театра в состоянии вернуть операманам присутствие духа — теперь по постоянному адресу водворилась опера Альфредо Каталани «Валли». Не такая знаменитая, как «Тоска» или «Сельская честь», она все же является истинной итальянской оперой — и именно в этом качестве нам и предстает.

Винючков тому несколько, и прежде всего сам Евгений Колобов. Если москвичам приходится ездить за хорошими оперными дирижерами в Зальцбург и Петербург (или Екатеринбург), стоит потужествовать, когда точкой заправки для нашего челночного бизнеса становится недалекий сад «Эрмитаж». В достоинствах колобовского оркестра и хора сомневаться никогда не приходилось, а какую струю оперного чувства

низвергал он на публику со своих прежних временных сцен, знают все его поклонники. Но что доводилось нам терпеть в стенах «Новой оперы» по части режиссуры...

По счастью, на сей раз шеф театра не стал угощать нас своими изысканными театральными предпочтениями, и постановщиком оперы «Валли» выступил не очередной гениальный приемник господ Арцыбашева и Беляковича (выступавших по отношению к «Евгению Онегину» и «Борису Годунову» в роли колорадских жуков), а профессиональный оперный режиссер Валерий Раку. Чем гениальная, но плохая режиссура — лучше никакая, но хорошая: по крайней мере, оперную музыку постановщик слышит (медведь обошел его ухо своей альпийской пяткой) и разводит певцов на благо уху слушателя. Что же, нам придется записать название спектакля в книжку — на тот всегдашний случай, когда знакомый турист попросится в оперу.

Действие оперы «Валли» происходит в высокогорном Тироле. Кто-нибудь из современных мастеров сцены наверняка превратил бы стародавних крестьян и охотников в новомодных лыжников, но сце-

нографы Сергей и Татьяна Бархины действуют еще радикальнее: на вершинах царит космический холод; декорации напоминают бовик из времени космических сражений — феодальные костюмы соседствуют с абстрактным технологическим антуражем. Жаль, не хватает только роботов и нажористого звездолета, проплывающего в черном небе и подсвеченного равнодушными лучами прожекторов.

Такая атмосфера способна холодить и взвинчивать чувства, во главе которых, само собой, должны шествовать властность, гордость и послушание судьбе. Все эти чувства певица Ольга Сергеева передает не только ролью, но и пением. Ученица прославленной Зары Долухановой, до поры прозябавшая в магнитогорской космической дали, она обошла к премьере двух дублерш (как утверждают знатоки, не лишенных своих преимуществ) и вышла на московскую сцену победительницей в дебюте. Увы, у ее партнеров-солистов было лишь одно преимущество — запоминающиеся имена.

П. ПОСПЕЛОВ.

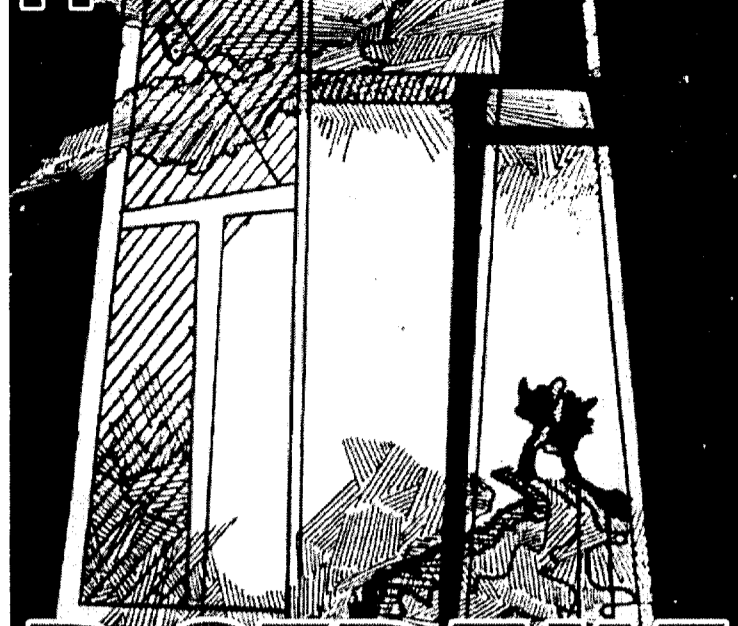
«Коммерсантъ-dayli».

Р. С. Имя Ольги Сергеевой, бывшей солистки Магнитогорского музыкального театра, любимицы магнитогорских слушателей (аншлаги на ее сольных концертах можно было сравнить разве что с премьерами в драматическом театре) ныне украшает афиши знаменитой московской «Новой оперы». Впрочем, художественным руководством музыкального театра было сделано все, чтобы певица покинула его стены. Мнение публики в данном случае никого не интересовало. Замечательно, конечно, что теперь московская пресса искренно восторгается талантом нашей землячки. Жаль, что магнитогорцам об этом успехе приходится сегодня узнавать лишь из газет.

ДВА ДЕБЮТА

ДРУЖБА ЖИВЕТ

В СЕРДЦЕ

С Николаем Павловичем Вороновым близко знаком и дружен с 1948 года. Сблизил нас интерес к литературному творчеству. Помню, через год после поступления в литературный институт он зашел ко мне в гостиницу, где я жил как молодой специалист, и рассказал о своей учебе. Мы прочитали друг другу свои стихи. Он сделал мне несколько замечаний, рассказал о новых веяниях в поэзии. Запомнилась строчка из его стихотворения: «Я на скором приеду скоро»...

Кстати, первой его публикацией в газете «Магнитогорский рабочий» 13 марта 1955 года было стихотворение «Ветер».

До отъезда на учебу в Свердловск в 1954 году я хорошо знал и его жену Татьяну Буданову, которая помогала Николаю и во время его учебы в литинституте, и в последующей творческой работе. В 1956 году я встретил Николая Воронова и Станислава Мелешина на общегорьковской конференции писателей в Свердловске. Николай Павлович тогда мне подробно рассказал о магнитогорском литобъединении, которым в то время руководил, о новых талантах.

После окончания горного института в 1957 году я приехал в родной Магнитогорск и вскоре послал письмом стихи в «Магнитогорский рабочий». Ответили, пригласили на собрание литобъединения. За председателем столом сидели голубоглазый мужчина среднего роста и Николай Воронов. Поинтересовался незнакомец. «Это Ручьев, — подсказал мне кто-то, — недавно приехал. Известный поэт, руководил литобъединением». Началось обсуждение авторов. Пригласили и меня выступить с присланными сильно патристическими стихами. Тогда отбирали произведения для областной литературной газеты, кажется, «Уральской нови». Ручьев не нашел ничего подходящего. Я заметил, что он очень строг в суждениях, может подметить удачные строчки, но в целом непросто от него получить одобрение. Тогда выступил Воронов и рекомендовал напечатать мое стихотворение «Кристалл халькопирита». С этим согласился и Ручьев, который недолго руководил литобъединением, так как по горло был занят другими литературными делами.

Возглавил городскую литературную организацию опять Николай Воронов. При нем актовый зал в редакции «Магнитогорского рабочего» на левом берегу всегда был полон авторами. Возникли споры, перепалки, разные суждения, но царил творческая атмосфера. Николай Павлович внимательно, индивидуально относился к способности новых авторов, помогал им публиковаться. Сам он не спешил печатать написанное, старался не занимать газетную площадь, предоставлял ее молодым авторам. Об этом свидетельствуют и подписки газеты «Магнитогорский рабочий». За 1960-61 годы были напечатаны три рассказа: «Просто Иван», «Человек-эхо», «Была весна». И все. Хотя многие

его товарищи знали, что трудится он с полной отдачей сил, ежедневно, строго оценивая свои рукописи.

Николай Павлович помог многим молодым авторам найти свой творческий путь. С его помощью поступили в литературный институт имени А. М. Горького поэт Юрий Петров, прозаики Юрий Ладоха и Юрий Баранов. При его участии шло творческое становление поэта и прозаика Анны Турусовой, прозаиков Феликса Можайко, Николая Курочкина, поэтов Юрия Костарева, Владимира Лапко, Людмилы Науменко, Екатерины Козыревой и других.

Влияние Воронова испытал на себе и Станислав Мелешин, издавший свыше двадцати своих книг. Об этом с благодарностью вспоминал сам Станислав Васильевич: «Ах, как мне не хватало сейчас (перед защитой диплома в 1956 году в литературном институте — В. П.) моего друга, земляка-магнитогорца, верного Николая Воронова. Коля — очник — уже окончил институт и был в отъезде, на родине, в Магнитке. Ведь это благодаря ему, меня, солдата, приняли в этот важный писательский институт. Он проследил за движением моих стихотворений, поэмы «Дорога на Север», комедии «Здравствуй, Урал» и двух робких рассказов, посланных мною из армии. Еще в Магнитке, когда я актерствовал в местном драмтеатре, в огромном вестибюле мы с Колей взахлеб читали друг другу стихи и мечтали податься на Север. Я точно угодил на Север — служить в армии, а Николай уехал в литературный институт учиться. И уже когда я первый раз приехал в Москву на экзаменационную сессию за первый курс, мы снова встретились. Коля, как называли его сокурсники-очники, часто прогуливался по институтскому саду в окружении своих собратьев-студентов: Василия Тендрякова, Владимира Солоухина, Константина Ваншенкина, Юрия Бондарева, Раисы Гамзатовой, Юлии Друниной и других. А мне, заочнику, придется опять после сессии подаваться к себе на Север, нести солдатскую службу... На Север, туда, где кончается горный таежный Урал, переходя в тундру. Вот бы Колю сюда. Я часто вспоминал о нем, греясь у костра».

Дружба двух уральских писателей не прерывалась. Когда Николай Воронов приехал в Магнитогорск к матери, Марии Ивановне, он в первую очередь стремился увидеть Станислава. Они как бы соревновались в своем творческом полете...

Первые книги Мелешина «Семья Тасмановых» и «Паче, рума!» вышли в Свердловске в 1955 году, а книга Воронова «Весенней порой» — в этом же издательстве в 1956 году.

Раньше, бывая проездом в Москве, я всегда навещал Николая Воронова. В одну из таких поездок он подарил мне книгу «Юность в Железнодорожске» с надписью: «... Земляку, старинному моему товарищу от автора Н. Воронова. Москва, 25 июня 1972 г.»

В. ПАВЕЛИН,
ветеран литературного объединения.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ